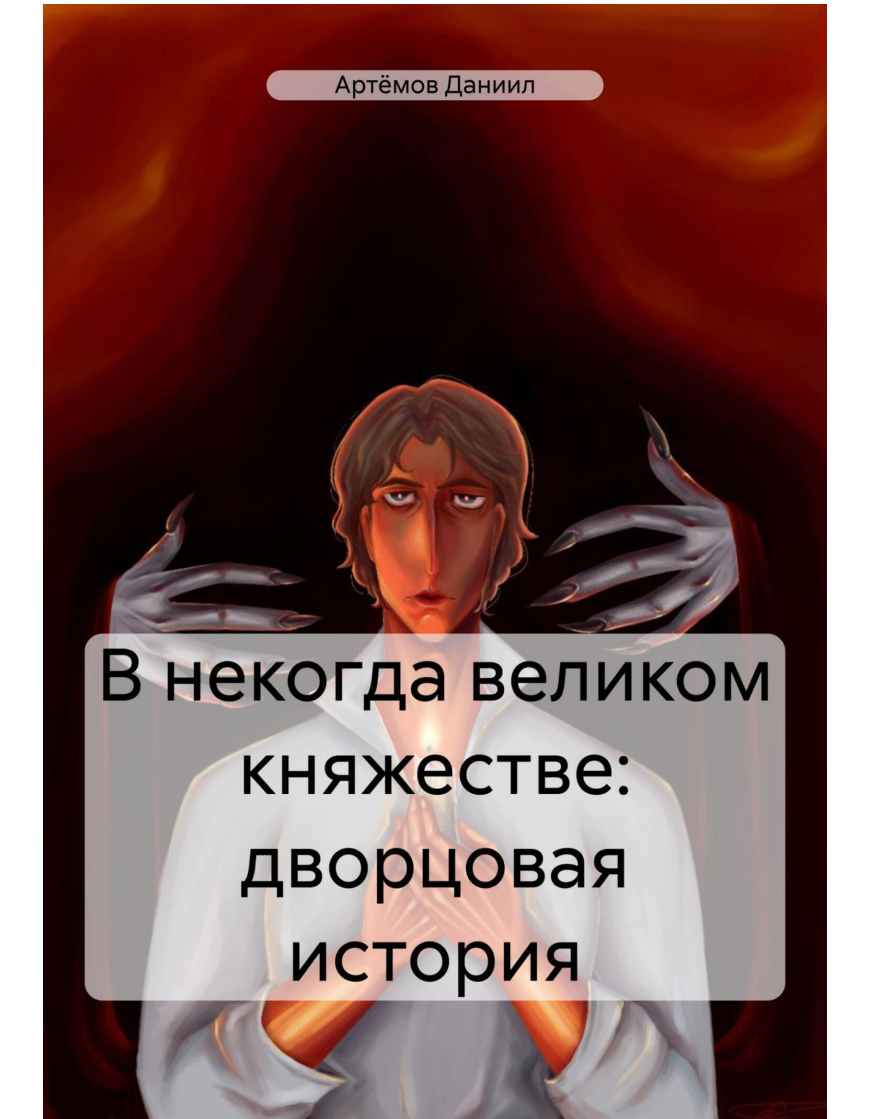

Артёмов Даниил

В некогда великом
княжестве:
дворцовая
история

Даниил Артёмов
В некогда великом княжестве:
дворцовая история

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69817405
SelfPub; 2023*

Аннотация

Добро пожаловать в одно из княжеств в центре Европы во времена средневековья. Мы оказываемся в его центре-замке, где власть обрекла тех, кто ей владеет на вечное грехопадение и порочность. В этой книге вы узнаете лишь малую часть всей истории, однако познакомитесь с завязкой и встретитесь с несколькими персонажами будущего романа, приквелом к которому и является эта мрачная история. Главная героиня-девочка, что оказалась под властью жестокого приёмного отца, который и является одним из власть имущих. Какой он на самом деле? Что ощущает ребёнок, который всё детство провёл в неволе? И может ли быть надежда даже во время самой мрачной ночи? Об этом и не только вы и узнаете из этого рассказа. Приятного прочтения!

Содержание

I	4
II	10
III	16
IV	22
V	29
Эпилог	33

Даниил Артёмов

В некогда великом княжестве: дворцовая история

I

Безумие – то дьявола забава,
Что заставляет нас не слышать чувств.
И даже скинув платье посреди зала,
Наш разум будет пуст,
Как и сердце.
Ведь дьявол, обернувшись в полотенце,
Лишь похотью себя в минуту ту он забавляет.

По тёмному, украшенному колоннами и яркими сводами залу слышался топот и шлепки о кафель маленьких ножек. Весь замок уже успел впасть в беспмятство, ибо сон для их состояния – несбыточная мечта, ибо для грешников Бог подбирает самые яркие и насыщенные омерзительными подробностями кошмары. Именно из-за этого каждый вечер все обитатели некогда великого замка, что служил показа-

телем достатка всего большого и прославленного княжества Нокс, напивались до нечеловеческого состояния, чтобы просто увидеть чёрный занавес перед глазами и больше ни о чём не думать.

Именно в эти часы кроха, одному только Богу известным способом оказавшаяся в этом замке, выходила в порывах яркого любопытства на волю. Тяжких же усилий ей стоило это. На протяжении целого года она выполняла беспрекословно все приказы своего деспотичного отчима, что любое неповиновение считал личным оскорблением, ударом по его чести, а потом предпочитал доброму слову розги и лишение свободы как способ воспитания своей дочери. И теперь она, пока её пленитель развалился на кровати в хмельном ударе, бегала по коридорам и без того большого замка, что с перспективы маленького человека делало его просто необъятным.

Маленькие серо-голубые глазки то и дело холодно зыркали по мраку в поисках окошка. Ведь она никогда не видела мира, кроме этого замка. И всё новое, неизведанное, такое неприступное казалось ей таким манящим и привлекательным.

И... Случилось! В самом далёком углу, что находился у лестницы на чердак, где жили слуги, девочка смогла увидеть, как бледно-молочный след падал на чёрный мрамор, из которого было выложен пол в этом помещении, от чего лучи света ярко играли и отражались в блестящей плитке.

В порыве самого сильного чувства, что может испытать

человек, – детского восторга – она подбежала к окну и, подтянув слабенькими худенькими ручками своё крохотное тельце, запрыгнула на подоконник. Чудесная картина открылась ей: мрачно-зелёный хвойный лес, шедший глубоко вдаль, конца которому не было, где-то посреди него высилась каменная серая стена, что служила для замка неприступной защитой от потенциального набега, и тёмно-синее, почти чёрное небо... Лишь робкий свет месяца освещал столь тёмный пейзаж, окрашивая чёрное в условиях такой поздней ночи пространство в те же цвета, что и днём, только значительно лишившиеся насыщенности.

– Ого... – сорвалось с губ малышки. Она в исступлении замерла перед столь красивым зрелищем, которое ей довелось увидеть впервые. Никогда ранее такие натуральные, не окрашенные человеком цвета не видели её любопытные и вездесущие глазки.

Юная леди просто сидела на подоконнике и разглядывала каждую деталь пейзажа, словно желая сохранить каждую хвоинку, каждую шишечку у себя в памяти. А вдруг такой возможности больше не представится?..

Шло время... Девочка впервые увидела, как небо на глазах меняет цвета, становясь всё светлее и светлее, переходя в нежно-голубой свет. Она увидела первое зарождение тени, как свет луны уступал дорогу ослепительно ярким лучам майского солнца. И только когда запели первые лесные птицы, к бедняжке пришло осознание.

«О нет... Мой папа вот-вот проснётся... Как он будет зол, когда узнает, что я выходила из комнаты...»

Гонимые самым искренним животным страхом, её ножки зашлёпали по полу ещё чаще и звонче, чем до этого. Дубовые двери преодолевались одна за другой, ещё немного – и успеет... Но вдруг... Девочка оглянулась, изучая, есть ли кто-то рядом или нет, и не заметила, как наступила на самый скользкий край шёлкового красного персидского ковра, который так нравился ей из-за мягкости его ворса, после чего упала на острый и совсем не мягкий край пола, от чего её ножка получила ранку. Слегка взвизгнув от боли, невезучая странница побежала дальше, ведь некогда было плакать её детскому телу. Ибо его ждало отнюдь не детское истязание в случае обнаружения её отчимом ночных вылазок.

К счастью, открыв последнюю, самую тяжёлую дверь, она обнаружила своего пленителя всё в том же хмельном ударе. Девчушка, отдышавшись, на цыпочках подошла к кровати... И легла рядом. После чего поспешила заснуть для достоверности...

Разбудил её грубый и очень сильный удар по затылку. Не успев даже крикнуть, она ощутила дополнительную боль: мужская сильная рука сжала её нежное ушко и стала выкручивать, а гневный и заплетающийся с похмелья бас кричал:

– Откуда рана на твоей ноге, маленькая мерзавка! Отвечай мне! Я приказываю!

Девочка, всхлипывая, начала выдумывать историю на хо-

ду:

– У-упала с кровати, папа... Простите меня... Я-я не хотела пачкать постель и причинять себе увечья...

– Ты мне врёшь! Я увидел пятно крови в коридоре! Мерзавка, ты выбиралась куда-то без моего спроса!

После этого безумец бросил девочку головой о деревянный край кровати, от чего непутёвая больно стукнулась. И лишь сейчас смогла заплакать. Но тирану было не до её слёз. Он задрал её ночное платье, после чего стал с безумной силой лупить её своей огромной и тяжёлой ладонью. Детский крик попеременно с звонкими хлопками сотрясали потолок комнаты. Страдания девочки словно приносили удовлетворение её отчиму, отчего тот всё бил, и бил, и бил её. В конце концов он, взяв её за шиворот, швырнул её в угол, где располагалась клетка, в которой ранее, вероятнее всего, перевозили гончих или борзых, которые предназначались для охоты. После чего скрип и металлический грохот закончили безумную симфонию страданий. Мужчина закрыл девочку на ключ, после чего прокричал:

– Я вновь лишаю тебя свободы! Теперь ты будешь жить тут! Мерзкая девчонка. Ошибкой твоих родителей было давать тебе священное для нашей церкви имя Мария! Ты заслужила не большее, чем М! Потому что не должна иметь столь непокорная тварь человеческих имён!

Мужчина накинул на себя монашескую рясу, после чего вышел прочь из комнаты, затушив свет. После чего на ключ

закрыв дверь в комнату.

Юная Мария, плача от страха и боли, забилась в угол клетки... Её ручки пытались сбросить слёзки с её покрасневших от рыдания ланит, но конца реке печали и боли не было. Всё, что оставалось бедняжке, это обнять свои колени, уткнуться в них носом и вопрошать про себя: «Чем я заслужила эту боль?... Почему же он так жесток со мной... Ведь он мой папа... Я люблю его... А он... Он...»

Новый шквал слёз продолжил её мысли вслух... Конца столь ужасному концерту не было. Словно невозможно было его остановить. Любой простой человек, проходивший мимо, наверняка бы сжался и ощутил, как множество мурашек побежали по его коже под одеждой, ведь это было действительно ужасно слышать.

Однако... В этом замке все привыкли к такой жестокости. И ничего не ощущали, кроме равнодушия и желания выслужиться перед своими хозяевами, чтобы их не постигла та же участь, что и рыдавшую жертву. И так проходил почти каждый день несчастной девы... Однако её мысли, несмотря на всю грязь и боль вокруг и на ней... Оставались чистыми и наивно-добрыми. И лишь воспоминания о том пейзаже в окне позволили ей успокоиться и вновь опять мечтать...

II

Рождённый во мраке,
О призрачный луч,
Ты в грязном бараке
Скрылся от серых туч.
И свет твой мерцающий,
Готовый затухнуть,
Никто не принимает,
Желая потухнуть.

Мария долгое время сидела в клетке. В её маленьком детском разуме, который так или иначе любит приукрашивать всякое увиденное, прокручивались фрагменты этого ужасного утра. С одной стороны, она вновь была счастлива окунуться в тот момент, когда на верхушках елей появились следы от поднимавшегося из-за горизонта солнца. Момент воистину волшебный. Любой чуткий взрослый способен этим восхититься: вся естественная красота природы в одном пейзаже. А мозг ребёнка... И подавно был поражён всем тем, что она увидела.

Однако вновь слышались тяжёлые и властные шаги её приёмного отца. Он открыл дверь... после чего во мраке подобрался к клетке и занавесил её. Лишив девочку света и

возможности видеть со всех сторон. И ей лишь оставалось фантазировать в состоянии полудрёмы, пока где-то в комнате приёмный отец ругался на какую-то девушку, чьи тихие стоны раздавались внутри самого сердца Марии, вместе со звуком шлепков о её тело. Всё это так ужасно... И так знакомо. Почти с самого раннего детства. Даже первое воспитание юной Марии, как отец брызнул на неё горячий чай, почти кипятком, за то, что она случайно пролила его, задев рукой.

Удивляло девочку лишь одной: каждый день не было слышно слёз от новых и новых несчастных дев. Да и сами стоны звучали непонятно для детского уха. Таких чувств, как похоть и вожделения, её разум ещё и знать не мог. Потому и недоумение вперемешку с чувством жалости возникали в голове у девочки.

А что же мерещилось во сне? О... Это был чудный сон для столь трагичной и грустной дрёмы. Марии снилось, что весь этот великолепный и величественный замок теперь только для неё. Для неё – и никого более. Она свободно бегала по всему ему, даже ей казалось, что во сне у дворца не 3 этажа, а все 10... и каждый новый этаж был краше прежнего. Самым же чудесным был 7-й этаж. На нём всё было так же величественно украшено. А в окнах можно было увидеть бескрайний пёстрый луг. Тюльпаны и маки украшали это поле ещё ярче. И эта красота ещё сильнее пленяла детский глаз. Ведь она никогда не видела ничего подобного вживую. Лишь обрезанные и оторванные цветы. И все – розы. И каким чудом

ей удалось представить столь чудесный пейзаж во сне, даже ярче, чем оный мог быть в реальности, одному только Богу известно. Но главное: Мария от этого так тяжело и трепетно дышала, боясь спугнуть чудесный и редкий по своей красоте для девочки сон. Её ручки легли на мягенькие и гладкие щёчки. И в искупление последние окрасились в пурпурный цвет счастья. Ах, если бы этот сон был вечен...

После странного и противоречивого для маленькой девочки процесса наконец Маркус скинул покрывало с клетки, после чего открыл дверцу и, схватив Марию за шиворот, выволок её на холодный пол. После чего поставил на колени и грубо потянул за волосы вверх, будто бы даже оторвав от земли, после чего тихим, страшно злобным и полным ко всему человечеству голосом стал вновь давить на малышку:

– Что я тебе говорил на счёт непослушания?.. Вспомни...

– Г-говорили мне про... Н-неизбежность жестокого н-наказания... – говорила, запинаясь и заикаясь, голосом, полным печали и боли, Мария.

– Угу... Иии... Ты же помнишь, что сейчас ты должна будешь понести его?!.. – спросил он тихо, но не менее агрессивно.

– Д-да... Но... Простите меня, папа... Я глупа... Но быстро учусь на ошибках. Прошу, больше не бейте меня...

– Не бить?... А кто сказал, что мне нравится это?.. У меня для тебя более жестокое наказание! – сказал он, насмехаясь над бедной девочкой.

– К-какое?... – в отчаянии спросила малышка.

Вдруг мощные руки худощавого и уродливого мужчины вцепились Марие в платье, после чего дёрнули его в разные стороны, и послышался громкий треск нежной и мягкой ткани. Ночное платье девочки было порвано надвое, и она осталось почти нагой.

– Если хочешь ходить одетой – почини. Но стоя на коленях. Только так Бог способен простить такую непослушную и плохую грешницу!

Он высыпал на пол множество семян гороха, на которые сверху поставил колени юной Марии. Тут же, твёрдые, как камни, плотные, они вонзились в детскую кожу девочки, что причинило ей очень сильную боль, сравнимую с разрезом кожи скальпелем. Она попыталась закричать, выплеснув то, что внутри неё тяжёлым наитием заставляло страдать, однако в тот же миг грубая мужская рука тяжело ударила её по губам, не дав издать и писка. Теперь своими руками малышка дополнительно насадилась на эти семена, источавшие только непрерывную боль. От чего слёзы тут же брызнули из её глаз.

– Чем скорее зашьёшь – тем быстрее слезешь с них. Давай! Работать! – приказал Маркус, после чего вышел прочь, бросив на пол нитки и иголку. Дверь вновь оказалась закрыта на замок. Но хотя бы свет остался гореть, свечи епископ не затушил. Какой же он всё-таки внимательный и чуткий...

Мария, с трудом подняв руки с семян, постаралась взять в руки иглу, но ей приходилось балансировать на своём скорб-

ном пьедестале из натуральных материалов, от чего горох лишь сильнее вонзался в её плоть и доставлял невыносимые страдания. Через боль, через дрожь во всём теле и помутневшие от слёз глаза девочка смогла-таки снять с себя платье... И, стоически преодолевая все трудности, всё же принялась за работу. Это время, что было затрачено на столь тяжкий и пугающий, сводящий скулы от неприятности труд, казалось ей вечным. Нескончаемые режущие кожу отвратительные ощущения, словно вводящие в туман весь разум целиком и лишаящие его возможности выполнять поставленные перед ним самим же человеком задачи. Однако, несмотря ни на что, Мария смогла справиться. И зашила платье... После чего надела его на себя. Затем её дрожащий от продолжающейся пытки голос стал нежно, но болезненно взывать:

– Папа... Приди... Я всё сделала...

Просьба была громкой. Мария почти перешла на крик. Но... В ответ ей отозвалась гробовая тишина.

– Папочка... Прошу... Приди... Я смогла...

Вновь тишина.

– Папа... Папочка... Папа... Папа... – звала Мария. Но без результата. Отчего... Её пытка продолжилась, однако плакать она уже не могла, да и не видела в этом смысла. Зачем тратить время на столь бесполезное занятие, ведь тебя никто не услышит. И в отчаянии и безнадёге... девочка просто лишилась чувств и уснула, стоя дальше на изнывающих коленях.

Маркус спустя время всё же явился и снял её с гороха. Однако раны оказались слишком глубокими от длительного времени, проведённого на нём. Из-за чего на коленях девочки остались шрамы и по сей день. Маленькие, словно чьи-то крохотные ноготочки вонзались в её плоть и покидали её тут же. Ах, если бы... Ах, если бы. Всё было куда трагичнее и больнее.

Маркус вновь бросил Марию в клетку, закрыв её. После чего в пьяном угаре принялся вновь предаваться забытию. Девочка же тихо засопела и уснула, ни сказав ни слова, ведь какой смысл что-то говорить. Это же ничего не изменит...

Но её сон... Он был особенным. И только тот смог её утешить после столь ужасного дня.

III

И если в миг один повеет тёплый ветер,
То скажет истину об этом белом свете.
Не всюду есть на свете тёмный мрак,
Порой мы наши жизни живём не просто так.
И слово понапрасну на ветер не бросай,
Себя ты в этом мире лучше осознай.
Страдания окончатся, начнётся славный день
А зло на свете в клетку бросится, сбежит то прочь за
дверь.

Тихий и прохладный ветерок дул прямо в юное личико, словно сдувая с него все остатки тоски, говоря о том, что начинается сон. Открылись очи несчастной. И увидели перед собой бескрайний простор, который от переднего края её взора вплоть до дальнего из нежно-голубого переходил в тёмно-синий. Он то и дело приходил в движение, с шумом ударяясь о песок, что оканчивал царство безграничной пучины. Ярко светило солнце, что ещё недавно было возможно увидеть лишь за окном, словно внутри золотой клетки. И то лишь его лучики, что стелились поверх чудесной в своей неровности чехарды лесной чащи. А теперь... Оно приятно согревало и ослепляло наивные серо-голубые глаза, что смотрели на бирюзовое небо в поисках хоть чего-то несовер-

шенного в этом мире. Но нет... Оно было чистым. Ни единого пушистого или мрачного облачка. Бескрайний простор, уходивший в самую высь.

Оглянуться назад Мария не могла. Словно мешало что-то. И тогда ноги сами понесли её вперёд, вопреки всему, что произошло с ней за день. Аккуратные тёплые потоки стали щекотать её босые стопы, иногда поднимая до щиколотки. Затем и вовсе коснувшись её бёдер и талии... Затем груди и шеи. Девочка и заметить не успела, как очутилась в тёплой воде, что волнами своими выталкивала её наружу.

За всю свою осознанную жизнь Мария принимала ванну лишь 6 раз – ежегодно по одной возможности смыть с себя грязь, которая, по мнению епископов, являлась защитой от злых и порочных духов, что была подарена человеку Богом. И лишь на Рождество его положено смывать, чтобы Господь обновил уже успевшую получить брешу в себе защиту. Именно поэтому... Те ощущения, что довелось ей испытать, были неповторимо приятными. Кожа уже переставала быть липкой, ощущались лёгкость и нежная щекотка по всему телу. Её тёмно-русые волосы, напоминавшие молочный шоколад своим цветом, вмиг окрасились в тёмно-русый. Тем самым начав выглядеть уже как горький шоколад, но всё ещё такой красивый и мягкий. Руки словно сами несли Марию вперёд, хотя плавать она не умела. Да и негде было научиться. Но почему-то её тело словно всё умело. И умело так, как не умеют многие. Её заплыв не был похож на борьбу с

неминуемой смертью, как это получается у многих людей. Он же выглядел грациозно, аккуратно, но при этом достаточно стремительно, словно полёт стрелы.

Девочка долго наслаждалась мягкой и приятной водой, плескалась, а также улыбалась в порыве восторга и хихикала при виде того, как преломлявшийся от воды солнечный свет направлялся прямо ей в глаза, словно играя с ней. Для детского разума это был просто восторг. Однако внезапно её разум позволил ей развернуться в обратном направлении, и она поплыла к берегу. Тот был бескрайне усыпан песком, словно бесконечная пустыня, что каким-то чудом смогла выбраться своими дюнами к морской освежающей влаге. Но... посреди золотого блеска Марие в глаза бросился силуэт, облачённый в чёрное. В его руках что-то сверкало то и дело, словно в безумном танце, меняло своё положение, разрезало воздух. Делало оно это стремительно. Едва глаз её улавливал касание света сверкающего клинка, как тот тут же менял своё положение, как и его владелец. Марие раньше доводилось видеть мечи. Всё же замок был хоть как-то да исследован ей. И она запомнила их, как ровные, длинные и массивные стальные вещи, которые не каждый мужчина-то сможет поднять. Клинок на таких орудиях всегда симметричен, ведь важна сила, с которой будет нанесён удар. Именно эта форма и позволяла ему являть собой самое грозное и пугавшее любого орудие, которое использовалось с особой яростью и властью. Любой рыцарь словно бы наносил удар не в оди-

ночку, а вкладывал в свой замах силу всего королевства или княжества, весь его гнев. Однако тот меч, что видела сейчас в действии Мария, было совсем иным: его форма была вытянутой и изогнутой, лезвие было тонким. Судя по лёгкости и быстроте аккуратных и точных движений мечника, клинок не отличался тяжёлым весом, а был очень лёгким. Однако Мария даже на столь дальнем расстоянии слышала, как лезвие своими молниеносными выпадами пронзало воздух.

Владелец меча явно был очень заинтересован в том, что он делал. Ведь самозабвенно вёл бой с невидимыми врагами. И делал это уже, судя по всему, длительное время. Его тело действовало под стать мечу: резко и точно. Каждое его движение, каждый его шаг был просчитан до мелочей, отточен, судя по всему, годами тренировок. Но вдруг... Один резкий прыжок, кувырок в воздухе и бесшумное приземление на колени. После чего меч бережно был сложен в ножны, медленно, с чувством удовлетворения от владения таким величественным и убийственным своей скоростью оружием. Затем силуэт встал в полный рост... И поправил свои волосы, что спали ему на лицо. словно благословение Солнца, они были золотого цвета, словно лучи дневного светила. Они были длинными, а оттого их было просто необходимо убрать назад. После чего непрерывно стал задумчиво смотреть вдаль... Явно о чём-то размышляя.

Мария, в столь юном возрасте не видевшая ничего более завораживающего и при том величественного... была в вос-

торге... И, выйдя на сушу, быстрыми шагами своих маленьких ножек направилась к незнакомцу. Тот стоял неподвижно. Даже если бы его боковое зрение и могло увидеть девочку, то его концентрация не позволяла этого сделать. Но, к удивлению Марии, с каждым шагом с ней случались странные метаморфозы: её тело начало обретать взрослые, женские очертания, рост значительно увеличился, от чего она уже высилась над песком, а не была подбородком почти у него. Когда же она наконец добежала до незнакомца и хотела вымолвить хоть одно слово... вдруг он резко повернул на неё своё лицо... И Мария узрела безумно холодный, но при этом властный и одновременно нежный взгляд, словно взор маленького ребёнка. Однако, судя по его росту, это был уже мужчина. Притом очень взрослый. И, что самое поразительное, внимание девочки не упало на его одеяние, не стало обращать внимание на его лицо. Лишь золотые волосы и глаза – вот что смогло навести на себя всю любопытную вьедливость юной, повзрослевшей уже красавицы.

Однако в один миг всё пропало. Песчаный берег, лазурное небо, яркое солнце и мягкая вода... Всё исчезло. А вместе с ними и тот самый силуэт, который так сильно взволновал девочку. Какое-то странное чувство, неведанное ей ранее, она смогла ощутить. Покой и безопасность... Будь он с ней в комнате с её приёмным отцом, явно смог бы постоять за неё и защитил бы от этой безумно жестокой тирании.

Но сейчас... Перед глазами Марии воцарился мрак. И

весь сон словно канул в забвение. Весь... Кроме того взгляда голубых, словно январское небо, глаз. И одному лишь Богу было тогда было известно, что этот взгляд и этот мужчина пройдёт с девочкой весь её жизненный путь, поначалу являясь надеждой, затем утешением, после чего страхом, а в конце всего слезливым воспоминанием. В тот миг... Когда словно весь мир разрушился на глазах юной девочки... Она лишь пыталась вновь представить тот силуэт. Но ничего... Кроме глаз, волос и клинка ей вспомнить не удавалось.

Так и прервался самый яркий сон в её короткой на тот момент жизни. Который дал ей надежду на то, что когда-то придёт тот самый мечник и спасёт её из плена.

IV

Коль в будущее в спешке бросил взгляд,
То не дано уже ступить назад.
И если есть на свете честь –
То береги её, как только можешь.
А раз уж в книге судьбу свою сумел прочесть,
То тут себе никак уж не поможешь.
Прими с достоинством наказанное Богом
И пламенным ты сердцем вокруг свой страх сожги.
Не стой один ты за порогом,
Свою надежду с кем-то сохрани.

На следующее утро жизнь Марии осталась прежней, несмотря на столь приятный и даже идеальный сон. Но что-то внутри неё самой изменилось... Она стала замечать, как часто улыбается, смеётся в тех ситуациях, когда ранее её детский разум хотел плакать. Например, в простой тишине. Почему-то она уже не казалась ей такой гнетущей. Хотелось верить и жить дальше. Мария верила, что сможет встретиться с тем самым мрачным мечником с голубыми глазами, что он защитит её и больше никогда в жизни её никто не обидит, даже её собственный приёмный отец, что она наконец сможет выбраться из этого замка и коснуться тех елей, которые по сей день стоят у неё перед глазами, что она сможет вжи-

вую увидеть рассвет...

Такое большое количество мечтаний придало ей сил. Теперь ежеминутные мысли о несправедливости этого мира не терзали её, отчего переносить любое испытание стало в разы проще.

Спустя некоторое время, а именно через неделю, девочку вновь выпустили из клетки. Более того, приёмный отец подарил ей новую одежду: шёлковое ночное платье цвета шампань. Оно было велико малышке, да и в некоторых местах было слегка потёрто. Скорее всего, оно не было куплено или сшито специально по заказу Маркуса. Однако... Даже этого Марие было достаточно, чтобы хотя бы чуть-чуть порадоваться. Ведь до 10 лет она и вовсе ходила нагишом в пределах комнаты замка. От приёмного отца ведь нечего скрывать. Однако в 10 наконец первое платье коснулось нежной детской кожи и было проношено девочкой до рокового дня, когда то было вероломно разорвано. Сегодня же... Отец подарил ей новое. Спустя долгих 3 года. Прежнее платье ещё до искусственных повреждений успело превратиться в лохмотья от непрерывной и долгой носки, к тому же было мало и слегка сковывало движения. Сейчас же Мария наконец смогла ощутить простор и лёгкость движений. Нигде больше кожа не натиралась о грубую льняную ткань: теперь всякая частица одежды, что касалась тела девочки, была гладкой, мягкой, вызывая у малышки ежеминутное желание касаться нового и единственного элемента её гардероба; грудная

клетка больше не была скована, дыхание стало свободным и беспрепятственным.

– Спасибо, папа. Вы очень щедры... – робко ответила девочка, с восторгом смотря на обновку на своём теле.

– Ха... Это точно. За твоё поведение тебя бы и вовсе стоило раздеть, прямо как раньше. Но я же не изверг. Потому хоть изредка, да нужно давать тебе понять, как сильно папа тебя любит, – гордо ухмыльнулся Маркус.

И тут... Мария впервые в осознанной жизни рискнула поднять взгляд прямо в лицо своему отцу. Её взор пал на его янтарные глаза. Они смотрели на девочку с непонятным для неё стремлением, напоминавшим одержимость или даже похоть, пылали властью и желанием вновь посадить девочку в клетку и не выпускать, а ещё лучше – надеть кожаный поводок и посадить на цепь. С чем было связано это стремление – доподлинно не ясно было тогда, однако, учитывая всё, что случится в жизни девочки потом, стремления Маркуса вряд ли были полны доброты и заботы, скорее лишь его собственных странных желаний.

Брови его увидела юная девочка... Чёрные... Местами волосы выпали, и брови были сведены в устрашающей гримасе. Затем губы... Потрескавшиеся, бледно-розовые, со следами от частых укусов. А затем она посмотрела и на всё лицо в целом: правая его часть была изуродована гниением, словно кусок мёртвой плоти наложили на тело человека, трупно-бледная кожа говорила о нездоровом состоянии Марку-

са, различные болячки и волдыри «украшали» его щёки и подбородок, остро смотрящий прямоком на девочку, а нос был длинным и тонким, когда-то давно острым, как у орла, но сейчас его состояние стало в разы хуже, от чего тот разбух, короткие рыжие волосы были неаккуратно разбросаны по макушке мужчины, местами были заметны проплешины...

Весь этот кошмар, который с трудом можно назвать человеком, возвышался над девочкой всей своей нескончаемо длинной худобой. Подобный облик вызвал у Марии отвращение. Она тут же зажмурилась и отвернулась, поспешив сказать, чтобы не вызвать гнев приёмного отца:

– Да, вы правы. Спасибо за милосердие! Вы очень добры!

После чего сделала вид, что плачет от радости, ведь понимала, что до её слёз злодею не будет никакого дела.

Послышалась звонкая и довольная усмешка. И уже привычным для девочки властным басом он сказал:

– Оставайся здесь... Дверь не закрываю. Проверю, сделала ли ты выводы или нет.

После чего послышался шелест мантии, которую он надел поверх своего ночного наряда, состоящего из рубашки и брюк серого цвета. И наконец тиран покинул комнату, оставив Марию наедине со своими мыслями.

«Ч-что же с ним?... – думала про себя она. – Почему он так... уродлив. Да простит меня Бог за такие слова про мо-

его отца, но разве же может человек лишиться вообще всей своей красоты? Не мог родиться таким он! Не верю! Откуда тот гной и та ужасная мёртвая кожа?.. Неужто он болен?.. Тогда надо помочь ему... Ах, глупая и бессердечная я! Прости меня, Господи, прости грешную... Не знала я... Не хотела смотреть на своего отца. Боялась. Но бояться стоит только кары твоей за моё себялюбие... Прости меня, Господи...»

Слёзы вдруг полились по щекам Марии... Её руки сжали платице и прижали его длинную юбку к лицу. Всхлипывания и плач, по всей видимости, были таким громкими, что наконец они были услышаны хоть кем-то. В дверь раздался стук.

– И-извините, у вас всё хорошо?.. – послышался робкий юношеский голос.

В страхе Мария бросилась к клетке и спряталась там, сжавшись в клубочек. После этого она в исступлении бросила взгляд на дверь. Там стоял юноша, облачённый в броню. На его поясе были закреплены ножны и виднелась рукоять меча. Сколько было лет парню, Мария сказать не могла, ведь боялась после ужасавшего своей мерзостью и вызывавшего горестное сострадание лица отца, но он явно был старше её, раз уже одевался как воин. На груди его серебряной кольчуги сверкал золотой крест – символ армии этого княжества.

– Ой, прошу прощения, не имел я права сюда войти. Желая помочь, нарушил правила и напугал... Сию же минуту удалюсь! – торопливо сказал юноша и закрыл дверь.

Напоследок... Мария наконец увидела хоть какую-то часть головы незваного гостя-затылок. Его прикрывали длинные... золотые волосы.

– З-золотые... – пролепетала девочка. – Неужто... это ты?!

Тут же страх сменился странным порывом. Малышка выскочила из клетки и подбежала к двери. Хотела было побежать дальше, распахнув дверь, но страх взял верх над ней, и она замерла. Однако мириться с полным незнанием она не хотела. После чего крикнула вслед уже почти скрывшемуся за углом юноше:

– П-постойте! Как ваше имя?! Вправе ли я узнать его?

Вдруг... тихие шаги, отливавшие металлическим звоном, затихли. И всё тот же робкий голос отозвался ей:

– Не гневайтесь, молю. Не говорите его Святейшеству, что я нарушил ваш покой... Моё имя Дирк. Прошу... Сохраните его в секрете и простите моё юношеское любопытство...

После чего шаги послышались вновь... И юноша окончательно скрылся.

Корила себя Мария за то, что снова струсилась и не посмотрела в лицо своему гостю... Но внутри неё... появился немой вопрос... А увидятся ли они снова?.. И какое-то третье чувство отвечало уверенно и утвердительно. От чего очередной порыв чувств девочки был успокоен её умиротворением. И она стала ждать своего отца... Чтобы искупить, как ей казалось, свою вину и невнимательность. Ведь заслу-

жить прощение Маркуса ей казалось куда возможнее, чем заслужить прощения всевидящего Господа, перед которым она провинилась в первую очередь.

V

Во имя Господа
Помилуй.
Во имя Господа
Прости.
И пред всевышней силой,
Молю тебя: благослови.
Нужна небесная защита
От чуждого душе греха.
Моя судьба со мною квита,
Но вот злой рок – не до конца.

Вернулся Маркус, несмотря на мольбы Марии о скором возвращении её приёмного отца, лишь спустя долгие часы. Вновь он шёл, шатаясь, как и было каждый вечер. Словно иначе никто жить в этом замке и не мог.

Дверь была распахнута, а сам епископ стоял у кровати, держась за неё одной рукой, чтобы не упасть от того, что земля вдруг резко в пьяном дурмане стала уходить из под ног, от чего всё его длинное тело согнулось. Девочка подбежала к отцу и тихим шёпотом пролепетала:

– Папочка... Тебе плохо?.. Я могу тебе помочь?..

Она с надеждой смотрела на Маркуса, на его скрытую под капюшоном чёрной мантии макушку. Однако грубая и сухая

длинная мужская ладонь схватила девочку за шею, а властный бас заплетающимся языком прорычал:

– Себе помоги для начала! Научись слушаться!..

После чего Маркус отбросил её в другой угол комнаты, а сам рухнул на кровать и что-то про себя пробубнил, что-то очень злое.

Мария была в недоумении: что она сейчас нарушила? Ведь в её порыве не было ничего иного, кроме стремления помочь ближнему своему, выручить его... Чтобы Господь на небесах был доволен, а её брменная душа была счастлива от того, что творит добро. Однако, судя по всему, Маркусу не нужна была любовь и забота. Он получил её в ином виде в совсем другом месте. И его дочь сейчас никак его не интересовала.

Но Мария не теряла надежды. Она подошла к своему приёмному отцу и сняла с него мантию, чтобы тот хотя бы не помял её во время хмельного беспамятства. И на сей раз сопротивления девочке встретить не довелось. Но тут же... в её памяти всплыло то ужасающее лицо, уродливое, мерзкое. И вновь вспыхнуло в ней яркой свечой сострадание, от чего она перевернула на спину Маркуса и прошептала:

– Папочка, я очень тебя люблю... Давай мы сделаем примочку для твоего больного лица?...

Девочка хотела было оторвать кусок своего платья с юбки, однако сделать этого она не успела. Её приёмный отец в бешенстве крикнул:

– Что ты сказала про моё лицо?!

После чего со всей силы ударил Марию по затылку, и та рухнула на пол, разбив от приземления лицом на пол свой нос. Тут же в комнате раздался громкий детский плач, пронзительный, пугающий. А девочка закрыла лицо руками, не понимая, почему с ней так обходятся, ведь она так хочет сделать добро своему папе...

Вдобавок ко всему на сей раз Маркус не проигнорировал плач и властным басом прошипел:

– Заткнись! У меня голова болит! Уймись, кому говорю! Сейчас сделаю ещё больнее!

Мария закусила свою руку, чтобы больше не плакать. Однако всхлипы всё равно были слышны. А кровь вперемешку со слезами лилась на пол, оставляя на нём бледно-бордовую лужу...

– Погаси свет! И ложись спать!

Послышался голос Маркуса уже с подушки, но был он менее зол, а скорее требователен. Ему хотелось поскорее отправиться в мир хмельного забытья.

С трудом поднявшись, Мария всё же смогла встать и затушить свечи, после чего закрыла дверь и в полумраке побрела к своей клетке. Оказавшись в ней, девочка вновь заплакала, но на сей раз уже беззвучно. В голове её разрушительно носил всё на своём пути ураган чувств и переживаний.

«Почему... Почему он так зол ко мне? – думала Мария. – Я ведь... просто хотела ему помочь. Не имела дурных по-

мыслов, даже обидеть его я не хотела. Но он... Грубо ударил меня... Кровь... Впервые другой человек заставил её идти у меня... И сколько ещё раз заставят... Господь, молю тебя, если я в чём-то согрешила, – помилуй меня. Просто... Позволь мне вершить добро своими руками. Сделай меня своими руками, Господи... И защити меня от зла, о Боже... Прости меня... Прости... Прости...»

Именно с такими мыслями вскоре от невыносимой духовной усталости глаза девочки сомкнулись и перенесли её в пустой мрак, при этом временно лишив возможности мыслить. Тем самым, словно тот же самый хмель, что пьют более взрослые обитатели замка, забытьё спасло её от продолжения страданий...

Впереди ещё столько лет жизни... А Мария уже так устала... И уже не может бороться за свет в этом мире. Да и есть ли он?... Наверное, покажет лишь время... Которое беспощадно течёт и течёт... Оставляя позади и макушки зелёных елей, и мягкое платье цвета шампани, и всё плохое... Начиная новый день с чистого листа.

Эпилог

На протяжении следующих четырёх лет в жизни Марии поменялись лишь некоторые вещи: она стала личной служанкой своего отца Маркуса, из-за чего получила одежду простой служанки. Мужчина решил так сильно принизить свою дочь лишь ради того, чтобы кто-то всегда мог исполнять любой его каприз в любое время дня и ночи. Да и за избиение других слуг о епископе может пойти дурной слух, а когда ты бьёшь горничную, что живёт с тобой же в комнате, являясь по совместительству твоей приёмной дочерью, никто и никогда не узнает о твоей жестокости.

И ещё... Мария стала ещё тише и ещё пугливее. Свет в её взгляде постепенно угасал, от чего её некогда серо-голубые глаза лишились небесного цвета, став целиком серыми. Но иногда вспоминала она, как ни странно... взгляд. Тот самый взгляд из сна. Он казался ей бредом, который бесконечно преследует её, но так завораживали эти глаза её, что она не могла не думать о том сне и том дне. И жила лишь с надеждой, что сказка станет явью и защитник придёт. И страха больше не будет.

Надежда жила... Как жили и другие обитатели этого замка... Однако с недавних пор вся жизнь в Ноксе изменилась, пришла в движение, засуетилась. Появилась новая личность в среде лиц власть имеющих, которая смогла очень многое

изменить. И которая... станет будущим этого княжества.